

**БОЛЬШОЕ СОБРАНИЕ
мистических историй
В ОДНОМ ТОМЕ**

**2015
МОСКВА**

УДК 821-3(100)
ББК 84(0)-44
Б79

Составление *С. Антонова*

Оформление *Н. Ярусовой*

Серия «Полное собрание сочинений (подарочное оформление)»

В коллаже на обложке использованы фотографии и иллюстрации:

Capblack76, Igor Zh., mythja / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использованы репродукции офортов

Франсиско Гойи из серии «Капричос», 1797 г.

Большое собрание мистических историй в одном томе : [переводы] / сост. С. Антонова. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 928 с.

ISBN 978-5-699-84085-4 (ПСС(по))

ISBN 978-5-699-76471-6 (ПСС)

В книге представлена богатая коллекция мистических, таинственных и жутких историй, созданных западноевропейскими и американскими писателями XVIII–XX веков. О призраках, вампирах, ведьмах, оживающих мертвецах, губительных статуях и манекенах, о кошмарных сновидениях и потусторонних пророчествах, о сделках с дьяволом и любви, не подвластной смерти, повествуют как знаменитые авторы (Э. Т. А. Гофман, В. Ирвинг, Н. Готорн, П. Мериме, Э. А. По, Г. Мелвилл, Ч. Диккенс, Р. Л. Стивенсон, Р. Киплинг, Б. Стокер, Г. Майринк, Г. Ф. Лавкрафт), так и сравнительно малоизвестные творцы страшных сюжетов (И. К. А. Музеус, У. Г. Симмс, Э. Норткот, Дж. Х. Нисбет, Э. Г. Суэйн, У. Ф. Харви и др.). Переключаясь друг с другом персонажами, ситуациями и смыслами, готические сюжеты книги открывают читателю за покровом обыденной реальности иррациональный и страшный мир, опрокидывающий самоуверенные претензии на всезнание, свойственные человеку Нового времени.

УДК 821-3(100)

ББК 84(0)-44

© Антонов С., составление, перевод на русский язык, 2015

© Брилова А., Сухарев С., Крюков В., Дорогокупя В., Будагова Е., Роговская Н., Клепцына Г., Мотылев А., Титова Е., Куренная М., Ванханен Н., Кротовская Н., Рахманова Н., Шик С., Лохова Н., Полишук В., перевод на русский язык, 2015

© Метальников В., Лунгина А., Разумовская И., Самострелова С., Бернштейн И., Гурова И., Смирнов А., Золотаревская Ф., Харитонов В., Бобович А., Гунст Е., Калашникова Е., Волжина Н., Дарузес Н., Полякова С., перевод на русский язык. Наследники, 2015

ISBN 978-5-699-84085-4 (ПСС(по)) © Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-76471-6 (ПСС)

ООО «Издательство «Э», 2015

С той стороны зеркального стекла

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН

(1776—1822)

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

(Из «Фантазий в манере Калло»)

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

И эту «Фантазию в манере Калло» мы позаимствовали из дневника путешествующего энтузиаста, который настолько не отделяет свою внутреннюю жизнь от внешней, что провести между ними черту было бы для него весьма затруднительно. Но именно потому, что и тебе, благосклонный читатель, вряд ли удастся их четко разграничить, наш духовидец, быть может, сумеет завлечь тебя в свой мир и ты незаметно для себя окажешься в чуждом тебе волшебном царстве, причудливые обитатели которого, ничтоже сумняшеся, станут вторгаться в твою обыденную жизнь и вести себя с тобой запросто, словно со старым знакомым. И я всем сердцем прошу тебя, мой благосклонный читатель, чтобы и ты отвечал им тем же, беззлобно снося все их странные выходки, и не выказывал своего душевного смятения, когда существа эти начнут тебе уж больно докучать. Вот, пожалуй, и все, что я смогу сделать для нашего путешествующего энтузиаста, с которым повсюду и всегда, а уж тем более в канун Нового года в Берлине, случаются ни с чем не сообразные, просто черт знает какие происшествия.

1. ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Смерть, ледяная смерть сковала мое сердце. Да, из самого нутра, из самой его сердцевины вонзала она свои колючие ледяные пальцы в мои раскаленные нервы. Точно безумный, выскочил я (без пальто и шляпы) в черную выюжную ночь. Прорезные флюгера на железных флагштоках отчаянно скрежетали, будто само время во всеуслышание двигало свою вечную устрашающую зубчатую передачу, и казалось, не пройдет и нескольких мгновений, как старый год сорвется, словно тяжелая гиря, и с глухим ударом канет в темную бездну.

Ты ведь знаешь, что в дни Рождества и новогодних празднеств, когда вы все, охваченные светлой радостью, веселитесь, какая-то сила вырывает меня из моего тихого укрытия и бросает в ваше бурливое, грохочущее житейское море. Рождество! Эти праздничные дни с их приветливым сиянием я предвкушаю задолго до того, как они наступают. Я едва могу их дождаться... я становлюсь лучше, ребячливей, чем весь остальной год, ни одна черная мысль не омрачает мою душу, распахнутую навстречу небесной радости, я снова превращаюсь в такого ликующего мальчика. Из пестрых, раззолоченных витрин рождественских лавчонок мне улыбаются рожицы веселых деревянных ангелов, а сквозь многоголосый уличный гам доносятся до меня будто издалека приглушенные звуки органа: «Родился божественный младенец!»

А после праздников все разом линяет, тускнеет, и тьма поглощает мерцание рождественских огней. С каждым годом все больше и больше цветов опадает, увянув до срока, их бутоны засыхают навеки, и весеннее солнце уже не возродит жизнь в голых ветвях.

Все это я прекрасно знаю и сам, но всякий раз, когда год подходит к концу, вражья сила со злорадством нашептывает мне прямо в ухо:

— Погляди, сколько друзей потерял ты за этот год. Они больше никогда не вернутся, зато ты сам поумнел и уже не гоняешься за развлечениями, как прежде. Наконец-то ты становишься все более серьезным человеком и совсем уже не нуждаешься в веселье.

На сочельник черт всякий раз готовит для меня особые сюрпризы. Он находит подходящий момент, чтобы разодрать своими острыми когтями мне грудь и насладиться зрелищем моего кровоточащего сердца. И представьте, все благоприятствует осуществлению его гнусных затей. Вот вчера, например, ему с готовностью помог советник юстиции. У него (я имею в виду советника юстиции) в канун Нового года всегда собирается большое общество, и по случаю праздника он старается каждому доставить особое удовольствие, но делает это так неуклюже и бездарно, что все так тщательно задуманное веселье оборачивается какой-то тоскливой несурезицей.

Как только я вошел в прихожую, навстречу мне поспешил хозяин дома, преграждая мне путь в свой эдем, откуда сквозь приотворенную дверь струились волшебные благоухания крепкого чая и доброго табака. Вид у него был лукав до чрезвычайности, он так и расплывался в наиблагожелательнейшей улыбке.

— Ах, мой дружок, там, в гостиной, вас ожидает нечто совершенно удивительное — бесподобный новогодний сюрприз. Только, чур, не пугаться!..

От его слов замерло сердце, меня охватило мрачное предчувствие, и душа моя преисполнилась смятением и тревогой. Дверь отворилась, я стремительно рванулся вперед, переступил порог гостиной и был ослеплен — *она* сидела на софе в кругу дам. Да, то была *она*, я не видел ее уж бог весть сколько лет, и тут самые блаженные мгновения моей жизни ярко вспыхнули в памяти, развевая мысль о разлуке. Отныне больше не будет этой убийственной потери! Какой счастливый случай привел ее сюда, благодаря каким обстоятельствам попала она в дом советника юстиции? Я ведь и не подозревал, что они знакомы. Но обо всем этом я не думал, главное одно — я вновь ее нашел!.. Я застыл у дверей словно заколдованный.

— Ну-с, дружок, — сказал советник юстиции, легонько подталкивая меня.

Я механически сделал несколько шагов, но никого, кроме нее, не видел вокруг, а из сдавленной груди моей с трудом вырвались слова:

— Господи, господи, Юлия, вы здесь?..

Юлия заметила меня только тогда, когда я подошел вплотную к столику, на котором был сервирован чай. Она встала и произнесла отчужденно:

— Я очень рада повстречать вас. Вы хорошо выглядите.

Потом она снова села и обратилась к даме, сидевшей рядом с нею:

— Будет ли в ближайшую неделю что-нибудь интересное в театре?

Ты подходишь к восхитительному цветку, который светится и благоухает неким таинственным, сладчайшим ароматом, наклоняешься над ним, желая получше разглядеть изысканную форму лепестков, а из его сверкающей зелени появляется гладкий холодный василиск, чтобы смертельно поразить тебя своим ненавидящим взглядом! Именно это и произошло со мной!.. Я весьма угловато поклонился дамам и, усугубляя мучительность этой тягостной для меня минуты, как-то неловко отпрянул от стола и резким движением локтя выбил чашку из рук советника юстиции, так что горячий чай выплеснулся прямо на его изысканное, в мелкую складочку, жабо. Все громко рассмеялись не столько над уроном, который понес советник, сколько над моей неуклюжестью. Безумие ситуации нарастало, однако я замкнулся в покорном отчаянии. Юлия не смеялась вместе со всеми, в смятении я взглянул на нее, поймал ее взгляд, и меня будто ослепил луч из изумительной прошлой жизни, полной любви и поэзии. Но тут кто-то заиграл на рояле в соседней комнате какую-то импровизацию, и все общество пришло в движение. Музыкант был, оказывается, известный приезжий виртуоз по имени Бергер, который действительно играл божественно и заслуживал, чтобы его слушали со всем вниманием.

— Не звякай так ужасно чайными ложечками, Минхен! — воскликнул советник юстиции, плавным жестом руки указал на дверь в соседнюю комнату и сладостным «Eh bien!»¹ пригласил дам по-

¹ Ну-с! (*фр.*)

дойти поближе к инструменту. Юлия тоже встала и не спеша двинулась вслед за всеми. Она показалась мне совсем чужой, стала вроде бы выше ростом, утратила былую девичью угловатость и превратилась, как говорится, в писаную красавицу. Ее белое, особого покроя, в глубоких складках платье с пышными рукавами, обнажающими руки по локоть, с большим декольте, едва прикрывавшим ее грудь, плечи и шею, ее волосы, разделенные спереди на пробор и хитроумно заплетенные в высокую прическу сзади, — все это придавало ее облику нечто старомодное, словно дева с полотна Мириса, — и тем не менее я был уверен, что где-то встречал это существо, в которое ныне превратилась Юлия. Она стянула перчатки, обнаружив на запястьях искусной работы браслеты, которых как раз и не хватало, чтобы окончательно оживить в померкшей памяти нежный образ, обретший в этот же миг всю полноту красок. Прежде чем переступить порог двери в музыкальную гостиную, Юлия обернулась, и мне почудилось, что ее ангельское, исполненное девического очарования личико искажено саркастической гримасой; ужасное, страшное чувство сотрясло меня, словно судорога прошла по всем моим нервам.

— О, он играет божественно! — пролепетала с придыханием возбуждившаяся от сладкого чая барышня, чья рука почему-то повисла на моей, и оказалось, что я веду ее, точнее, она меня, в соседнюю комнату. Бергер, видно, весь отдался во власть того урагана, что бушевал в его груди; словно огромные волны, разбивающиеся о скалы, громыхали его могучие аккорды, и они, как ни странно, были благодатны для моего слуха... Юлия оказалась рядом со мной и прошептала так нежно и ласково, как никогда раньше:

— Мне хотелось бы, чтоб это ты сидел за роялем и тихо пел об утраченной радости и надежде.

Дьявольское наваждение исчезло, и в слове «Юлия» я хотел было выразить всю ту божественную гармонию, которая заполнила мою душу, но толпа вошедших вслед за нами гостей разъединила нас. Мне стало казаться, что Юлия специально избегает меня, и все же мне удавалось то коснуться ее платья, то ощутить легкое дуновение ее дыхания, и тысячью разноцветных бликов расцвечивалась моя память о той прошедшей весне. Тем временем Бергер покончил с бурей, небо посветлело, и, подобно золотистым утранным

облакам, одна приятная мелодия проплывала за другой и исчезала в пианиссимо. Виртуоз был награжден вполне заслуженными восторженными аплодисментами, все общество пришло в движение, и я неожиданно снова оказался рядом с Юлией. Страсть моя все больше разгоралась, меня охватило необоримое желание удержать ее, обнять в безумном порыве любовной муки, но между нами вдруг возникло проклятое лицо излишне усердного слуги, который протянул нам большой поднос, выкрикнув: «Не угодно ли?..» Посреди стаканов с дымящимся пуншем стоял изящный хрустальный бокал, видимо с тем же напитком. Как он оказался среди обычных стаканов, знает лишь тот, с кем я постепенно начинал знакомиться; как Клеменс в «Октавиане», он выделяет ногами вензеля и невообразимо обожает красные одежды и красные перья. Вот именно этот тонко граненный и сверкающий бокал Юлия взяла с подноса и протянула мне.

— Ты с той же охотой, что и прежде, принимаешь вино из моих рук?

— Юлия... о Юлия... — только и смог выдохнуть я.

Когда я брал бокал, ненароком я коснулся ее нежных пальцев, и словно электрический ток пробежал по всем моим жилам — я отпивал из бокала глоток за глотком, и мне казалось, что маленькие голубые огоньки, вспыхивая, лижут его граненый край и мои губы. Я допил все до последней капли и, сам не зная как, оказался на кушетке в кабинете, освещенном алебастровой лампой, а Юлия сидела рядом со мной и глядела на меня с детской кротостью, как в былые времена. Бергер снова сел за рояль, он заиграл *andante* из волшебной моцартовской *C-dur'*ной симфонии, и на лебединых крыльях божественных звуков поднялись во мне вся любовь и радость солнечных вершин моей жизни... Да, это была Юлия — Юлия, прекрасная и нежная как ангел, — наш обычный разговор, сетования, полные любовного томления, скорее обмен взглядами, нежели словами, ее рука покоилась в моих руках.

— Я больше никогда тебя не покину. Твоя любовь — это искра, которая разгорается во мне, озаряя путь к искусству и поэзии, без тебя, без твоей любви все вокруг мертво и бесплодно; но разве ты не затем пришел, чтобы остаться со мной навсегда?

В этот момент в кабинет заглянул неуклюжий человек на лом-

ких паучьих ножках, с лягушачьими навывкате глазами и воскликнул с повизгиванием и придурковатым подхохатыванием:

— Куда это, черт поберн, запропастилась моя супруга?

Юлия встала и отчужденно произнесла:

— Не вернуться ли нам к обществу? Мой муж меня ищет... Вы были весьма забавны, дорогой, в таком же ударе, как бывали прежде, вот только не увлекайтесь вином...

Тут коротышка схватил ее за руку, и она с улыбкой последовала за ним в зал.

— Ты для меня навеки потеряна! — воскликнул я.

— Конечно, ты — пас, дорогой! — проскрипел некий отпетый плут, сидевший за ломберным столом. Скорее — прочь отсюда! Я помчался в бурную ночь...

2. ОБЩЕСТВО В ПОГРЕБКЕ

Быть может, прогуливаться по Унтер-ден-Линден — занятие из приятных, однако же не в новогоднюю ночь, когда лютует мороз и завывает метель. В этом я убедился, хоть и весь пылал, меня в конце концов до костей пробрал холод — ведь я выскочил на улицу без шапки и без пальто. Я промчался по Оперному мосту, мимо Замка, свернул, перебежал на другой берег по Шлюзовому мосту, миновал Монетный двор и оказался на Егерштрассе, как раз у торгового заведения Тирманна. Там за окнами горело много ярких огней, и я было уже хотел войти туда, потому что заоченел и мечтал выпить чего-нибудь горячительного; как раз в этот момент оттуда вывалилось на улицу целое общество в развеселом настроении. Перебивая друг друга, они восхищались превосходными устрицами и добрым эйльфером.

— И все же прав был тот господин, — воскликнул один из гостей, статный офицер-улан, как я разглядел при свете фонаря, — да-да, он был сто раз прав, когда в прошлом году в Майнце бранил на чем свет стоит тех негодяев, которые не спешили поделиться эйльфером тысяча семьсот девяносто четвертого года!

Все хохотали от души. Я невольно прошел несколько шагов дальше и остановился перед дверью погребка, в окне которого светилась одинокая лампа. Разве шекспировский Генрих не по-

чувствовал себя как-то раз столь измученным и смиренным, что им овладело только одно-единственное желание — выпить легкого пива? Вот и со мной произошло то же самое. Моя глотка истосковалась по бутылке английского пива. Я стремительно вбежал в погребок.

— Что желаете? — приветливо спросил хозяин, сдвигая шапку набекрень и направляясь мне навстречу.

Я велел подать бутылку светлого ячменного пива и большую трубку с хорошим табаком. Вскоре я пришел в такое блаженное состояние духа, что даже сам черт, видно, зауважал меня и оставил в покое. О советник юстиции, если бы тебе довелось увидеть, как из твоей ярко освещенной гостиной, где подавали чай, я спустился в темный пивной подвал, ты отвернул бы от меня свое лицо с горделивым пренебрежением и процедил бы сквозь зубы:

— Неудивительно, что такой вот субъект портит почтенным господам их изящные жабо!

То, что я был без пальто и шляпы, должно было казаться странным. Я заметил, что у хозяина кабачка вопрос был готов сорваться с губ, но тут кто-то постучал в окно и послышался голос:

— Откройте, откройте, я пришел!

Хозяин опрометью выскочил на улицу и вскоре вернулся, держа в поднятых руках по зажженному фонарю, а за ним шел очень высокий худой человек. Проходя в низкую дверь, он забыл наклонить голову и сильно треснулся о притолоку, но, так как на нем была черная шапка, похожая на берет, лоб он не расшиб. Он шел как-то странно, прижимаясь к стенке, и сел напротив меня, а хозяин поставил на наш стол фонари. О нем можно было бы сказать, что вид он имел несговорчивый и чванный. Раздраженным тоном он потребовал себе пива и трубку и, затянувшись всего несколько раз, выпустил столько табачного дыма, что мы все оказались словно в облаке. Впрочем, в лице пришельца было что-то столь своеобразное и привлекательное, что, несмотря на его мрачный вид, я сразу же почувствовал к нему расположение. Его густые черные волосы были раскинуты на пробор и свисали по обе стороны головы этакими локончиками, точь-в-точь как на портретах Рубенса. Когда он отложил большой воротник своего пальто, я увидел, что на нем черная куртка со множеством шнурков, а еще я обратил внимание на то, что на его сапоги были надеты изящные туфли.

Это я обнаружил в тот момент, когда он выбивал о каблук свою трубку, которую выкурил, наверно, всего минут за пять, не более. Наш разговор не клеился, все внимание прищельца было сосредоточено на каких-то редких растениях, которые он вынул из коробки и с явным удовольствием разглядывал. Я выразил восхищение этими красивыми растениями и спросил, поскольку они были явно только что сорваны, не заходил ли он перед приходом сюда в Ботанический сад или в лавку братьев Буше. Он как-то странно улынулся и ответил:

— Ботаника явно не ваша область, иначе вы не задали бы такого... — тут он запнулся, а я тихо прошептал:

— Глупого...

— ...вопроса, — простодушно закончил он. — Вы с первого взгляда увидели бы, — продолжал он, — что это альпийские растения, которые можно отыскать только на Чимборасо.

Последние слова незнакомец сказал тихо, как бы про себя, и ты легко можешь себе представить, какие чувства при этом охватили меня. Я не решался задать ему никакого вопроса, но во мне все сильнее крепло какое-то предчувствие, и мне почудилось, что я прежде никогда не видел его, но думал о нем. Тут снова постучали в окно. Хозяин отворил дверь, и чей-то голос произнес:

— Будьте так добры, завесьте ваше зеркало.

— А, — воскликнул хозяин, — как вы поздно, генерал Суваров!

Хозяин завесил зеркало, и тут с неуклюжей поспешностью, я бы даже сказал, хоть и торопливо, но на редкость неповоротливо, в подвал вбежал низкорослый сухонький человечек, закутанный в пальто какого-то неопределенного бурого цвета, которое, пока он скакал по подвалу, завивалось множеством трепещущих складок вокруг его тела так, что в неровном свете масляных фонарей чудилось, будто сходятся и расходятся несколько фигур, как в энселевских фантазмагориях. При этом он яростно потирал замерзшие ручки, спрятанные в рукава, и восклицал:

— Какой холод, какой холод... вот так холод! У нас в Италии таких не бывает, не бывает.

Наконец он уселся между мной и долговязым и недовольно буркнул:

— Что за ужасный дым, ну вы и насолили. Однако клин клином вышибают. Эх, была бы у меня хоть одна понюшка!